

УДК 81'255.2=030.512.154=161.1:39

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОЧТЕНИЕ И СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА
ПЕСНИ Т. САТЫЛГАНОВА “АЛЫМКАН”**

(На материале переводов М.А. Рудова и В.И. Шаповалова)

М.Дж. Тагаев, Г.А. Токсомбаева

С позиций текстодериватологии проводится лингвокультурологический анализ переводов на русский язык киргизской песни Т. Сатылганова “Алымкан”, сделанный разными авторами. Подчеркивается необходимость глубокого этнокультурного прочтения и гармоничного сочетания текстовых и персонных стратегий для получения полноценного перевода.

Ключевые слова: перевод; культурно-языковая интерпретация; понимание; лингвоперсонология; этнокультурный код; персонные стратегии перевода; текстовые стратегии перевода; тактики перевода.

**Т. САТЫЛГАНОВДУН “АЛЫМКАН” АТТУУ ЫРЫН ЭТНОМАДАНИЙ
ЖАКТАН ТҮШҮНҮП ОКУУ ЖАНА АНЫ КОТОРУУ СТРАТЕГИЯЛАРЫ
(М.А. Рудовдун жана В.И. Шаповаловдун котормолорунун материалында)**

М.Дж. Тагаев, Г.А. Токсомбаева

Т. Сатылгановдун белгилүү “Алымкан” аттуу ырынын ар кандай авторлор тарабынан аткарылган орус тилине котормолоруна тексттик дериватология алкагында лингвистикалык маданий талдоо жүргүзүлөт. Толук кандуу котормо жүргүзүү үчүн бул ырдын этномаданий жактан терең окулушунун, тексттик жана персондук стратегияларын туура колдонуунун зарылдыгы белгиленет.

Түйүндүү сөздөр: котормо; тилдик-маданий интерпретациялоо; түшүнүү; лингвоперсонология; этномаданий код; котормонун персондук стратегиялары; котормонун тексттик стратегиялары; котормонун тактикалары.

**ETHNO-CULTURAL READING AND TRANSLATION STRATEGIES
OF T. SATYLGANOV'S SONG “ALYMKAN”**

(Based on translations of M.A. Rudov and V.I. Shapovalov)

M.J. Tagaev, G.A. Toksombaeva

The authors carry out the linguistic-cultural analysis of the various translations into Russian of T. Satylganov's Kyrgyz song “Alymkán” from the standpoint of text-derivatology. The need for a deep ethnocultural reading of the verse and a harmonious combination of textual and personal strategies is emphasized in order to obtain a sterling translation.

Keywords: translation; cultural and linguistic interpretation; understanding; linguistic personality; ethnocultural code; personal translation strategies; text translation strategies; translation tactics.

Любой перевод с одного языка на другой не является первичной языковой деятельностью, а представляет собой результат вербализованной рефлексии переводчика как языковой личности. Создание текста на другом языке – это своего рода субъективная культурно-языковая интерпретация и перекодирование переводчиком ху-

дожественных смыслов на одном языке средствами другого языка.

При рассмотрении проблемы перевода с позиций антропоцентрической парадигмы в языке, обнаруживается, что это не просто трансляция некоего содержания с одного языка на другой, а его глубокая и качественная переработка,

выражаясь словами В.Г. Гумбольдта, “завоевание новой позиции в прежнем видении мира” [1, с. 80]. Иначе говоря, перевод – это творческий процесс, в результате которого рождается синонимичный текст, отличающийся от исходного расстановкой смысловых акцентов, культурно-ценностными оттенками. Чем дальше отстоят друг от друга культурно-языковые пространства языков, тем в большей степени ощущается своеобразие данных текстов.

Перевод в многом зависит от такой категории, как понимание. Даже в пределах одного языка само понимание текста – это не просто перенесение готовой мысли “из одной головы в другую”, а его индивидуальная интерпретация, которая зависит от уровня знаний переводчика, ценностных ориентиров и взглядов на мир [2, с. 23]. Люди, говорящие на одном и том же языке, понимают друг друга благодаря тому, что погружены в общее культурно-языковое пространство. Говорящий и слушающий настроены на одну и ту же культурно-ценностную волну, по словам В. Гумбольдта, они “прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы” [1, с. 166].

Что же касается перевода текста с одного языка на другой, то здесь на семантику и коннотативные свойства вторичного текста, полученного в результате перевода, накладывается, помимо индивидуальных характеристик самого переводчика, и национально-культурное своеобразие миров, представленных языковыми средствами сопрягаемых языков.

С развитием антропоцентрической лингвистики возрос интерес к тексту, который начал рассматриваться в контексте такого направления в лингвистике, как лингвоперсонология, объектом изучения которой становится не языковая личность, а текст, в котором отображаются характерные черты языковой личности [3]. В этой связи произошло переосмысление такого понятия, как деривация: ныне под этим процессом понимают не только образование слов, грамматических форм слова, словосочетаний, предложений и фразеологизмов, но и текстов. Такое расширительное понимание деривации стало основанием для выделения в лингвоперсонологии нового аспекта – текстодериватологии, объектом

изучения которой стали производящий и производный тексты (Н.Д. Голев, Н.В. Мельник, А.А. Чувакин, Т.Н. Василенко, И.Г. Разина и др.). Важно заметить, что Н.В. Мельник и И.Г. Разина рассматривают перевод как тип межязыковой деривации, т. е. образование текста от текста на другом языке, что допускает вариативность деривационного потенциала исходного текста [4; 5].

В текстодериватологических процессах используются два типа стратегий – текстовые, когда вторичный, переводной текст создается с опорой на объективные формально-семантические свойства исходного текста, и персонные, когда на характер переводного текста влияют субъективные факторы, приводящие к другой лексической реализации [5].

Перевод поэтического текста является делом непростым, поскольку инонациональную поэтическую картину мира на одном языке необходимо перевоплотить в средствах другого языкового кода. В той связи, что транслируется не содержательно-фактуальная информация, а образно-поэтическая картина мира, перед переводчиком встает задача творческого сопряжения культурно-смысловых пространств обоих языков, что требует от него глубокого погружения в каждый из них, знания не только лексической, но и концептуально-образной семантики слова.

Одной из вершинных произведений песенного творчества киргизского народа является песня Токтогула Сатылганова “Алымкан”, получившая всенародное признание и вошедшая в сокровищницу киргизского поэтического творчества. Глубокий анализ переводов текста этой песни с литературно-поэтической позиции представлен в монографии В.И. Шаповалова [6, с. 74–99]. В этом исследовании анализу подвергнуты переводы, сделанные в разные годы А. Жаровым, А. Штейнбергом, Ю. Гордиенко, М.А. Рудовым и, наконец, самим В.И. Шаповаловым.

Главную цель переводческого анализа В.И. Шаповалов видит в установлении “точности художественного воссоздания” и подчеркивает при этом свой интерес “к этнокультуроведческой стилистике и ее коммуникативному потенциалу”, выдвигая в качестве своей основной задачи осознание и творческое прочтение особенностей этнокультурного кода оригинала

[6, с. 76–77]. Этнокультурный код языка заключается, по нашему мнению, в прагматическом содержании языковых единиц и культурно значимых фоновых знаниях (ими обладает каждый носитель языка), которые определяют использование слова в процессе коммуникации. Заметный отпечаток в формировании этнокультурного кода и языковой картины мира киргизов оставила кочевая цивилизация, что отразилось на устно-эпическом наследии народа.

Именно этот аспект лингвокультурологического характера является предметом данной статьи. В первую очередь нас интересует вопрос, касающийся образа мира, представленного текстом песни “Алымкан”. Важен и коммуникативно-культурный посыл акына, его мироощущение и личные переживания. Объектом нашего анализа являются тексты переводов песни Токтогула Сатылганова “Алымкан” в этнокультуроведческом аспекте.

Для перевода этой песни используются разные стратегии и тактики в их сочетании, но у каждого переводчика наблюдается свой стиль в сторону преобладания того или иного типа стратегии. Рассмотрим различные варианты ее перевода в аспекте использования тактики ключевых слов в рамках текстовой стратегии.

С этой целью обратимся к лексике наиболее распространенного текста песни “Алымкан”, который был записан известным поэтом Ж. Боконбаевым. Первая ее строчка звучит “Атка салган дилдейсиң”. К.К. Юдахин в своем известном словаре уточняет, что *дилдейсиң* является сравнительной формой, которая должна звучать как *дилдедейсиң* ‘как золотая монета, как золото’. Почти все авторы, вслед за К.К. Юдахиным, решили, что *дилдейсиң* переводится как *золотая сбруя коня*. Между тем слово *сбруя* имеет значение ‘конская упряжь, предметы и принадлежности для запряжки или седлания лошади’ *Седло, чепрачок, уздечка – вся как есть сбруя [на коне] до того была ладно пригнана, в порядке, вычищена – бери карандаш и рисуй!* Тургенев, Конец Чертопханова [7, с. 36].

Воспользуемся текстами переводов этой песни разными авторами (они имеются в тексте статьи В.И. Шаповалова) и выясним, как транслируется концепт-образ *дилдедейсиң*. В переводах А. Жарова, А. Штейнберга, Ю. Гордиенко он обозначен как *сбруя коня*. Между тем *сбруя коня*

у киргизов не могла быть полностью украшена золотом. Токтогул имел в виду другой образ, связанный с одной из деталей сбруи.

Нормы лексической синтагматики показывают, что слово *дилдедейсиң*, как правило, сочетается со словом *салган* ‘одетый’, а слово *сбруя* в свою очередь переводится как *ат жабдыгы* ‘снаряжение лошади’. В киргизском языке *салган* в норме сочетается со словом *жүгөн* ‘уздечка’, а не со словом *ат жабдыгы*. Сравните, киргизскую поговорку: *Уйга жүгөн салабы, үйрөнгөн мүнөз калабы* ‘Разве надевают на корову уздечку, разве можно отойти от привычного характера’. Следовательно, в представлении Т. Сатылганова *дилдейсиң* метонимически обозначало уздечку, а не сбрую коня. Дело в том, что монетами из золота киргизы украшали уздечку; при беге лошади они издавали своеобразный перезвон. Другие детали сбруи коня (*ээр* ‘седло’, *куюшкан* ‘подхвостник’, *басмаил* ‘подпруга’) имеют другие нормы лексической сочетаемости: *ээрди токуйт, куюшканды илет, басмаилды тартат* и др.

Добавим, что если в варианте песни Т. Сатылганова, записанном Ж. Боконбаевым, мы находим “Атка салган дилдейсиң”, то китайские киргизы песню “Алымкан” поют иначе: “Күлүккө жапкан жүлдөйсүң”, т. е. в данном случае складывается несколько другой образ при помощи сравнительного оборота, образуемого словом *жүл* ‘небольшой красивый коврик ручной работы, накидываемый на круп лошади’ [8]. При перекочевке на летние пастбища киргизы сажали самую красивую девушку на скакуна, круп которого был покрыт ковровой накидкой с бахромой. Эта версия песни еще не стала предметом переводческой деятельности.

В отличие от других переводчиков, которые перевели слово *дилдейсиң* как *золотая сбруя*, М.А. Рудов (“Ты дилде – убор золотой...”) и В.И. Шаповалов (“Алымкан, Тулпара убор золотой...”) нашли для него более удачный эквивалент – золотой убор. Действительно, независимо от того, что имелось в виду (*дилдейсиң* – уздечка или *жүлдөйсүң* – ковровая накидка с бахромой), – это было сравнение красоты девушки с убором лошади.

*Бетегелүү майданым,
Пейили жакшы жайдарым.
Көлөкөлүү майданым,
Алымкан, көңүлү жакшы жайдарым.*

Этнокультурного комментария требует и другое выражение – *бетегелүү майданым* 'зеленое поле, густо покрытое типчаком' (типчак – это многолетнее пастбищно-кормовое растение семейства злаков с узкими щетиновидными серо-зелёными листьями и узкой метелкой). Это слово вряд ли знакомо всем носителям русского языка. В словаре Е.Н. Шиповой приводится следующая этимологическая справка: “*типчак, типец*, м. пастбищно-кормовое растение *Festuca ovina* волосянка, манник, тонконог, щетка (Даль, 4, 406). От каз. *тебги* оставшаяся под снегом трава (Сл. Акад., 1963, 15, 455)” [9]. Соотносительное с ним слово киргизского языка *тепки* мотивируется словом *теп* 'бить, ударять ногой, копытами', и отображает ситуацию, когда траву, оставшуюся под снегом, лошади достают, ударяя по снегу копытами.

Т. Сатылганов сравнивает свою возлюбленную с образом этого поля. Такое метафорическое сравнение близко и понятно всякому киргизу, погруженному в культурно-смысловое пространство киргизского языка. Это образ для киргиза-кочевника, основным видом хозяйственной деятельности которого было скотоводство, становится особенно ценностным в той связи, что весной многие высокогорные пастбища покрываются типчаком, который является лучшим кормовым растением; он охотно поедается мелким скотом и лошадьми, вследствие чего они быстро набирают вес и жир. После поедания скотом к августу это растение вновь производит новую листву, обеспечивая выпас скота в осеннее и зимнее время.

После долгой зимы и бескормицы зеленое поле, покрытое типчаком 'бетегелүү майдан', символизирует для киргиза конец зимы, наступление поры сытости, обилия мясомолочных продуктов, кумыса и приплода у животных. Благодаря такому метафорическому сравнению создается образ возлюбленной, с которой ассоциируется благополучие в семье и счастливая жизнь.

Метафоричность выражения *бетегелүү майданым* оттеняется и усиливается следующей и последующими строками этой строфы *пейили жакшы жайдарым, көңүлү жакшы жайдарым*, в которых эпитеты *пейили жакшы* 'добронравная, добросердечная', *көңүлү жакшы* 'внимательная' характеризуют Алымкан как девушку с открытым характером – *жайдары*.

Другой эпитет – *көлөкөлүү* 'тенистый' – необычен для русского языкового сознания, поскольку поясняет слово *майданым* 'поле', создавая словосочетание, которое в буквальном переводе 'тенистое поле'. Для русского человека, который живет в условиях сурового климата, более значимы определения-эпитеты *солнечный, безоблачный, ясный, лучистый* и др. Для киргиза же привлекателен другой образ поля, где нет изнурительной жары.

Для перевода песни Т. Сатылганова М.А. Рудов и В.И. Шаповалов использовали разные стратегии. Если перевод М.А. Рудова можно охарактеризовать как текст, полученный путем использования текстовой стратегии и тактики ключевых слов, копиальности содержания и копиальности формы, то В.И. Шаповалов преимущественно применяет персонную стратегию, включающую в себя тактики ассоциативности, эмоциональности и домысливания. Обратим внимание, как переведена названными авторами первая строфа песни “Алымкан”.

Исходный текст	
Атка салган дилдейсиң, Ачылган кызыл гүлдөйсүң. Бир күн оору, бир күн соо, Алымкан, азабың тартсам билбейсиң.	
Производный текст	
Перевод М.А. Рудова	Перевод В.И. Шаповалова
Ты дилде – убор золотой, Ты раскрытый алый цветок, То здоров я, а то больной, Знаешь ли, что я занемог, Алымкан?	Алымкан, Тулпара золотой убор, Тюльпана алого взор. Алымкан! В разлуке с тобой зачах, Ты – надежда моя и укор.

При ближайшем рассмотрении этих переводов нетрудно заметить, что у М.А. Рудова обнаруживается между киргизским, производящим и русским, производным текстами некая общность, выражающаяся в копиальности их содержания и формы. Сравните, строка “Ты раскрытый алый цветок” представляет собой семантическую кальку исходного текста и наиболее точно воспроизводит тот поэтический образ, который возникает у носителя киргизского языка.

Между тем в варианте В.И. Шаповалова, применившем тактики ассоциативности,

эмоциональности и домысливания персонной стратегии перевода, происходит авторская трансформация и мутация первоначального образа. В частности, это выражается в том, что В.И. Шаповалов часто прибегает к гипонимического переводу реалий, когда родовое понятие заменяется видовым [10, с. 75]. Сравните, *гүл* ‘цветок’ переведено словом *тюльпан*, а *ат* ‘лошадь’ – словом *тулпар*.

Результатом такой персонной деривации явился вторичный текст, в котором воссоздается несколько иной образ, не всегда соответствующий принципу “точности художественного воссоздания”. Ведь тюльпан при обратном переводе на киргизский язык – это *жоогазын*, образ менее распространенный в сознании киргиза, чем у слова *гүл* ‘цветок’. Концепт, обозначаемый словом *гүл*, имеет высокую номинативную и деривационную плотность, свыше 15 дериватов: *гүл*, *гүлдө* ‘цвести, расцветать’, *гүлдесте* ‘букет’, *гүлгүн* ‘цветущий’, *гүл ач-* ‘раскрывать цветок’, *гүлдөй* ‘как цветок’ и др.

Словосочетание *кызыл гүл* из анализируемой строки “*Ачылган кызыл гүлдөйсүң*”, скорее всего, соотносится с киргизским словом *кызгалдак* ‘красный мак’, что и отражено в его морфологической структуре (морфема *кыз-* соотносится со словом *кызыл* ‘красный’, суффикс *-галдак* встречается в словах, обозначающих цветок. Сравните, *саргалдак* ‘желтый цветок’) [11, с. 168–169]. Подтверждает эту мысль и действительная реальность киргизской земли, где в мае пригорки и горные лощины покрываются пышным ковром из красных маков.

При помощи тактики эмоциональности и домысливания персонной стратегии В.И. Шаповалов подчеркивает нежность взгляда девушки Алымкан, уподобляя лицо ее тюльпану (“Тюльпана алого взор...”). Что же касается слова *ат* (“атка салган...”) исходного текста, то оно является по своей стилистике нейтральным, а его эквивалент *тулпар* во вторичном, производном тексте создает мифологический образ волшебного коня, вызывая у читателя эмоционально окрашенные чувства.

Следующая строка данной строфы “*Бир күн оору, бир күн соо*” в киргизском языке приближается по своему характеру к устойчивым оборотам. В обыденном дискурсе данное выражение нередко используется для обозначения

физического состояния личности. В данном случае Т. Сатылганов вкладывает в него метафорический смысл, стремясь передать свое чувство неразделенной любви к девушке, из-за чего он испытывает душевные муки. Строка переводного текста М.А. Рудова “*То здоров я, а то больной*”, полученная в результате применения тактик копиальности содержания и формы, наилучшим образом передает состояние душевных переживаний Т. Сатылганова.

Ключевым в этой строфе текста-источника является и слово *азан* (“Алымкан, азабың тартсам билбейсиң”) в значении “мука, страдание”, заимствованное из арабского языка. В представлении мусульман *азан* – это испытания, которым подвергается человек после смерти. Используя это слово, Т. Сатылганов хочет показать глубину своих личных переживаний, душевные муки и страдания от любви, сравнимые с испытаниями в загробном мире. Это состояние человеческой души, перекликающееся со страданиями грешника, в переводах нашло отражение в выражениях “В разлуке с тобой зачух” (В.И. Шаповалов) и “Знаешь ли, что я занемог” (М.А. Рудов), полученных путем использования тактик персонной стратегии. Оба этих перевода исключают философско-религиозный компонент смысла, имеющийся в семантике слова *азан*.

Данная строфа в киргизском тексте завершается словом *билбейсиң* ‘не знаешь’, в котором содержится некий укор в адрес любимой, которая не ведает о страданиях, переживаемых Токтогулом. В.И. Шаповалову удалось отследить этот смысл в заключительной строке перевода данной строфы.

Текстовая стратегия перевода и способность М.А. Рудова глубоко проникать и понимать специфику поэтических образов, явленных в песне Т. Сатылганова, дали ему возможность не только отразить в переводе национально-культурные смыслы, но и, в отличие от других переводчиков, выразить ритмику этого стиха.

В заключение отметим, что этнокультурный комментарий текста обеспечивает его глубокое прочтение, вскрывает глубинные национально-культурные смыслы и образы, заложенные в исходном тексте, позволяя переводчику наиболее точно воссоздать образы инокультурного художественного текста средствами другого языкового кода.

Что касается применения тактик текстовой или персональной стратегий, то каждая из них имеет свои преимущества, а эффективность использования их для целей перевода зависит во многом от мастерства и таланта переводчика.

Литература

1. *Гумбольдт фон В.* Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт фон; пер. с нем.; общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звезгинцева. М.: Прогресс, 2000.
2. *Базжина Т.В.* Клавиши понимания / Т.В. Базжина // Типология языка и теория грамматики / Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию С.Д. Кацнельсона. СПб.: Нестор-История, 2007.
3. *Мельник Н.В.* Деривационное функционирование русского текста: лингвоцентрический и персонцентрический аспекты: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Мельник. Кемерово, 2011.
4. *Разина И.Г.* Перевод как процесс межъязыковой деривации / И.Г. Разина // Язык и культура. Томск: ТГУ, 2008. № 1. С. 66–78; *Мельник Н.В.* Деривация текста в лингвоперсоналогическом освещении / Н.В. Мельник // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41.
5. *Мельник Н.В.* Деривация русского текста: Лингвистические и персоналогические аспекты: монография / Н.В. Мельник. М., 2014.
6. *Шаповалов В.И.* История перевода одной элегии. Судьба лирического шедевра Токтогула в XX веке / В.И. Шаповалов // Контексты перевода: статьи разных лет. Бишкек, 2004.
7. *Словарь русского языка / Том VI С-Я.* М.: Русский язык, 1984.
8. *Таштаналиев Б.* “Алымкан”: Кимге ишенели, жазуучу Ш. Абдырамановгобу же акын Ж. Бөкөнбаевгеби? / Б. Таштаналиев // Кыргыз туусу. 2019. 12 апреля.
9. *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке / Е.Н. Шипова. Алма-Ата: Наука, КазССР, 1976.
10. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение: общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
11. *Сейдакматов К.* Кыргыз тилинин кыскача этим сөздүгү / К. Сейдакматов. Фрунзе: Илим, 1988. С. 168–169.